

ЛУЧШИЕ РОМАНЫ О ВОЙНЕ

ТАМОНИКОВ
ЛЕКСАНДР

**ЖЕСТОКОЕ
ПЕРЕМИРИЕ**

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

В оформлении переплета использована
иллюстрация художника *И. Варавина*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Жестокое перемирие / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2016. — 320 с. — (Тамоников. Лучшие романы о войне).

ISBN 978-5-699-92079-2

Восточная Украина, 70 километров от Донецка. Бывший капитан милиции Андрей Окуленко, воспользовавшись объявленным перемирием, отправляет в Россию жену и маленькую дочь. Семья офицера выезжает из города и тотчас погибает под внезапным залпом украинских самоходных установок. Андрей остается один, его жизнь разбита, терять ему уже нечего. И в душе горит лютое, неудержимое желание наказать убийц. Он собирает небольшую группу ополченцев и скрытно отправляется в тыл позиций хунты, чтобы уничтожить артиллерийские установки. Задача неимоверно сложная, а шансов вернуться живыми — почти нет...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-92079-2

Все, изложенное в книге, является плодом авторского воображения. Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.

А. Тамоников

ГЛАВА 1

Видавший виды микроавтобус вывернул с улицы Лазаренко на Кавалерийскую, и водитель резко затормозил. Проезд, и без того суженный ввиду обилия строительного мусора, оказался полностью перегорожен поваленным деревом. Пассажиры в салоне заволновались. Старшим среди них был полковник запаса Марчук, начальник гарнизона. Один глаз у этого плечистого пятидесятилетнего мужчины был заклеен, за что он и получил вполне логичный позывной Циклоп.

Марчук выругался сквозь зубы и заявил:

— Развели, понимаешь, бардак!.. Бойцы, оттащить немедленно!

Бывалые ополченцы в бронежилетах, составлявшие его личную охрану, кинулись исполнять приказание.

Но тут встрепенулся начштаба гарнизона, худощавый, гладко выбритый подполковник Сергеев, который сидел рядом с водителем:

— Николай Николаевич, не рекомендую! Береженого, как говорится... Проедем по соседней улице. Врубай заднюю, Михеич! — приказал он водителю, и тот послушно заскрипел рычагом трансмиссии.

Полковник Марчук не стал настаивать. Он не был упрямецем и дуболомом. Охрана вернулась на свои места. Бойцы передернули затворы, держали окна.

Отползла за угол Кавалерийская улица, сильно разрушенная бомбежкой — остовы двухэтажных барачков, искореженная котельная. Проплыл мимо взорванный цех завода насосных установок — такое впечатление, что его подняли в воздух, потрясли и поставили обратно. Все окружающее пространство было завалено мусором, обломками строений. Украинская артиллерия в этом районе трудилась с таким упоением, словно ее мишенью был вражеский укрепрайон, а не мирные объекты.

Люди в поле зрения не попадались. Улица давно считалась нежилой. Михеич покусывал свою непревзойденную гордость — рыжие усы, побитые сединой, — и энергично вертел баранку. Он переключился на первую передачу, и микроавтобус скрылся за углом.

В это время начштаба вполголоса критиковал своего босса за неумение обеспечить себе нормальную охрану. В итоге, мол, приходится пугаться каждого дерева.

Через минуту микроавтобус выехал на параллельную улицу Октябрьскую, имевшую такой же плачевный вид. Впрочем, посторонние предметы здесь проезд не загромождали.

— Считаешь, имелись основания, Александр Владимирович? — проворчал Марчук.

— Ни малейшего понятия, Николай Николаевич, — отозвался начштаба. — Проедем тут, не вижу разницы. Район непростой, здесь вполне могут находиться украинские диверсанты под видом местных жителей. А информацию о нашей поездке хохлы могли получить.

— Зеленое какое-то дерево. Обратили внимание, товарищ полковник? — задумчиво проговорил Михеич. — У давно поваленного листья пожухли бы. Нет, я ничего не хочу сказать, но два дня уже не было обстрелов, развалины — как бы это сказать-то? — вылежались, что ли. А деревце как новенькое.

— Ладно, не бурчи, Михеич. — Марчук поморщился. — Крути свою баранку, Шерлок Холмс, блин.

Бойцы внимательно осматривали проплывающие развалины. Северные районы Ломова, над которыми усиленно потрудились вражеская артиллерия, производили гнетущее впечатление. Они лежали в руинах, практически все здания были разрушены.

Микроавтобус проехал мимо школы, в которой пробило крышу и начисто вынесло оконные про-

емы. Осталась за бортом местная бойлерная. Такое ощущение, что ее вместе с трубами вывернули наизнанку. Михеич прибавил скорость, пронесся мимо крохотного сквера, который после бомбежки стал еще меньше. На уцелевших деревьях желтела листва. На дворе сентябрь, шестнадцатое число, десятый день от начала так называемого перемирия, объявленного киевскими властями.

— Михеич, куда несешься? — проворчал один из бойцов, хватаясь за ручку над головой.

Маневр водителя оказался не очень удачным, и машину подбросило.

— Расшибешь нас всех к едрене фене!..

— Тут и сказке конец, — пошутил другой.

— Ага, дома не успевают отражаться в зеркале заднего вида, — сострил третий.

— Мертвые они, — проворчал сквозь зубы Михеич. — Призраки, оттого и не отражаются.

— Разговорчики, бойцы! — бросил Марчук. — Михеич, а ты действительно несешься как угорелый. Испугался чего?

Водитель снизил скорость перед мостом через местную речушку-переплюйку Кижич. Дважды переправа была разрушена, и каждый раз самодеятельные инженеры Марчука ее восстанавливали — благо пролет был от силы метров восемь. Скрипели, гнулись опоры, опутанные сварными швами.

Далее разрушения носили спорадичный характер. Хотя и из этого района, именуемого Закаменка, большинство жителей давно эвакуировалось.

Город Ломов, расположенный в семидесяти верстах от Донецка и напичканный заводами и фабриками, считался крупным населенным пунктом. До войны в нем проживало порядка ста тысяч человек. Он был растянут между перелесками, холмами и пустырями.

В начале августа отсюда были выбиты украинские войска. Власть перешла к представителям непризнанной республики. Ее оплотом стал тысячный гарнизон армии ДНР под командованием полковника запаса Марчука. На северных рубежах возводился укрепрайон, зарывалась в землю техника. Но приказа наступать ополченцы так и не дождались. Ломов превратился в пограничный город.

Украинские войска далеко не ушли. Они оборудовали позиции в десяти километрах от Ломова, за холмисто-лесистой местностью под названием Бугры. Позиции там занимала моторизованная бригада ВСУ под командованием полковника Рынкевича. Подтягивались танки и пехота. Кадровых военнослужащих разбавила рота добровольческого батальона «Днепр-4».

Имелся в бригаде и взвод САУ «Акация». Именно это подразделение доставляло горожанам и ополченцам нештучные проблемы.

Силовикам повезло. В их безраздельном распоряжении оказалась территория бывшей части ПВО украинских вооруженных сил, расположенная за селом Пастушьим. Самоходки стояли в защищенных капонирах, имея возможность ежедневно отходить в подземные ангары. С первого же дня на Ломов обрушился массированный огонь САУ. Артиллеристы не разбирались, военные объекты перед ними или гражданские. Доставалось всем.

Ополченцы зарывались в землю, их потери были минимальны, а вот гражданским доставалось. Северные районы Ломова представляли собой постапокалиптический пейзаж. Счет жертв шел на многие десятки, спасатели не успевали справляться. Выжившие покидали этот район, переезжали к знакомым или родственникам в южную часть города. Но и туда иногда залетали снаряды — уберечься от них было невозможно.

Дефицита боеприпасов украинские «канониры» не испытывали. Подавить огневые точки на высоте у ополченцев не получалось, невзирая на все усилия.

После объявления перемирия артобстрелы продолжались, пусть с меньшей интенсивностью, но с той же жестокостью и малой избирательностью. Предугадать их начало было невозможно. Это могли быть день, утро, глубокая ночь.

После таких вот опустошительных акций полковник собирал в кулак все, что имел. Артиллерия,

минометы, взвод самоходок «Нона» неоднократно обрабатывали высоту, но все было тщетно. Бывшая часть ПВО занимала обширную территорию, «Акации» уползали в подземные ангары, постоянно меняли дислокацию.

Переходить в наступление приказа не было, попытки проникнуть в тыл противника завершались неудачами. Для командования ополченцев клятая высота за селом Пастушьим стала непрекращающейся, вечно зудящей головной болью.

Впрочем, на боеспособность гарнизона артобстрелы почти не влияли. Что и подтвердила сегодняшняя инспекция. Северные предместья Ломова и пути возможных фланговых обходов прикрывались бойцами комбата Пахарева и мобильными группами капитана Костенко. Укрепления нареканий не вызывали, боевое дежурство велось грамотно.

Командиров ополчения удручало лишь состояние самого города. Жителей в северной части и Закаменке почти не осталось — одни сами ушли, других вывезли. Электричество, водоснабжение и канализация не работали. В домах промышляли мародеры и прочие «сталкеры», особенно в ночное время.

Минивэн лишь внешне выглядел беспомощным и малосильным. Нешадно эксплуатируя форсированный двигатель, Михеич свернул с Октябрьской на Танковую, где разрушения носили частичный

характер. Он чуть не проглядел разверзшийся колодец и повернул лишь в самый последний момент. Машина напоролась на огрызок кирпичной кладки, скованный цементом, и подпрыгнула. Завизжали тормоза.

Михеич смущенно хмыкнул и заявил:

— Виноват, исправлюсь. — Он засмеялся, обнажив прокуренные зубы. — Ей-богу, нет в природе такого препятствия, которое нельзя обматерить! Вынужденная остановка, товарищ полковник, — мы колесо пробили.

Пассажиры недовольно зароптали. Ополченцы, гремя амуницией, стали покидать салон и занимать позиции вокруг автомобиля — благо на улице хватало «естественных» укрытий.

— Допляшешься ты у меня когда-нибудь, Михеич! — Марчук сокрушенно вздохнул и взглянул на насупившегося начштаба. — Выходим, Александр Владимирович, перекурим. Михеич, бери бойца, и чтобы через минуту все было как надо!

— Есть, товарищ полковник! — Водитель спрыгнул на землю, побежал к заднему отсеку минивэна.

Полковник выбрался на проезжую часть, заваленную мусором. За ним спрыгнул Сергеев, с опаской покосился на раздувшийся колодец и щелкнул зажигалкой, едва Марчук вытряхнул из пачки сигарету. Но не успели они насладиться дымом, как на задворках трехэтажки, застывшей памятником

скорби, что-то с гулом упало. Ополченцы насторожились, вскинули автоматы. Рука начштаба машинально потянулась к кобуре.

— Памятник Ленину упал? — пошутил кто-то.

— Балка перекрытия не выдержала, — сказал другой. — Сейчас и все остальное посыплется.

— А вы знаете, что Украина исчезнет, как только на ней упадет последний памятник Ленину? — изрек Михеич, вытаскивая из салона запаску.

— Серьезно? — удивился молодой боец, не понявший, что это была шутка.

Посыпались кирпичи, упал незакрепленный фрагмент стены, и в воздух взвился столб пыли. На другой стороне дороги раздался сдавленный женский вскрик, за ним — звучный топот, потом с хрустом что-то переломилось.

Двое ополченцев прикрыли собой Марчука, вскинули «АК-74». Остальные тоже приготовились стрелять. Только Михеич невозмутимо катил запаску. В бараке, разрушенном лишь частично, что-то происходило. В этой части города оставались живые люди!

На раздавленное крыльцо выбежала женщина в расстегнутой куртке, растрепанная, с искаженным лицом. Она затравленно озиралась, была не в себе. Трудно не заметить машину и восьмерых мужчин не самого неприметного облика, стоящих в тридцати шагах от тебя.

Следом за ней выбежал какой-то шустрый неказистый тип, давно небритый, с оскаленным ртом. Женщина споткнулась, он прыжками настиг ее, набросил ей на голову засаленную фуфайку. Оба повалились в гору мусора. В этот момент злоумышленник и заметил микроавтобус и группу ополченцев.

Испуг мелькнул в бегающих глазах. Он откатился от женщины, которая лежала неподвижно, зарывшись в месиво из древесины и битых кирпичей.

Мужичок подлетел как на пружинках, метнулся обратно в барак и хрипло выкрикнул:

— Трофим, шухер!

В окне на втором этаже что-то мелькнуло, хлопнул выстрел. Палили из чего-то примитивного, возможно, обреза.

Пострадавших не было, пуля выбила камень из-под ног молодого бойца. Но реакция последовала моментально. В руках ополченцев забились автоматы Калашникова. Град свинца обрушился на второй этаж многострадального барака. Вылетали щепки, крошились оконные рамы.

— Прекратить! — гаркнул Марчук. — Мужики, догнать эту шпану!

Двое бойцов бросились к бараку, влетели в него, загремели по лестнице. Еще двое пустились в обход здания, перепрыгивали через кучи мусора. Михеич оставил в покое свое колесо, сдернул со спины «АКС» и присел за капотом.

Начштаба и полковник, обнажив пистолеты, кинулись к телу. Сергеев повалился на колени, сдернул фуфайку с головы женщины. Он начал бормотать, что это распространенный бандитский прием — набросить что-нибудь на жертву, дезориентировать, запугать до смерти. Марчук единственным здоровым глазом осмотрел оконные проемы над головой и тоже пристроился на корточках.

Молодая особа, подвергшаяся нападению, была жива. Ее трясло, глаза бессмысленно блуждали, ни на ком не останавливаясь. Тяжелый шок был налицо — порванная одежда, кровавые разводы на лице. Не исключено, что ее изнасиловали или пытались это сделать. Возможно, несколько минут назад бандиты лишили жизни кого-то из ее близких.

— Жива, — проговорил начштаба, подкладывая под голову пострадавшей скомканный ватник. — Угораздило нас с тобой нарваться на приключение, Николай Николаевич, вместо того чтобы принять стратегические решения.

— Ничего, потерпит наша с тобой стратегия, — ответил Марчук.

Подбежал Михеич. Он притащил холщовую сумку с санитарным пакетом и недоуменно уставился на пострадавшую.

Женщина пыталась что-то сказать, но слова застревали у нее в горле. Она вздрогнула, вонзила в землю ногти, на которых еще сохранились следы лака.